

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 22 (3833)

Четверг, 20 февраля 1958 г.

Цена 40 коп.

Глеб ПАГИРЕВ Из фронтовой тетради

СТИХИ И ПРОЗА

Остановись на полуслове,
Встаю, бросаю карандаш,
Горит родное Подмосковье,
Гудит от выстрелов блиндаж.

Ну что ж, поэт? Бери гранаты,
Тяни латунное кольцо!
По фронту хлещут автоматы,
Песок и снег летят в лицо.

Умри, но стой! Назад ни шагу:
Ты эту землю не отдашь.
Здесь ценят стойкость и отвагу,

Здесь штык нужней, чем
карандаш.

Забудь пристрастие
к многоголосу.

К строке, что лирик сочинил.

Сегодня люди пишат кровью
За немцем чернил...

Земля, седая от мороза.
Оковы, надолбы, штыки.
Война, война — святая проза
И позабытые стихи.

ОСВОБОДИТЕЛЬ

С утра ревел металл
многоголосо,
А тут — утихло, разошелся дым,
И гильза, что в песке горчала
косо,
Вдруг донышком свернула
золотым.

За горизонт откатывались тучи,
Светлела фронтовая полоса,
И как-то очень звонко и певуче
На воздухе звучали голоса.

Солдат устал выбрался
на брувну,
Как будто поднялся на перевал,
Присел, поставил на землю
винтовку
И нанюсся газетку обрвал.

Цвела ромашка на соседнем
дзоте,
Тянулася к солнцу тонкая лоза,
И, стрекоча на бронею полете,
Сновала над поляной стрелоза.

Так сладко пахло от земли
нагретой,
Так обступала душу тишина,
Что вспоминалось и другое лето,
И малые детинки, и жена.

Сидел солдат на бруствере окопа
И, наслаждаясь благодатным
днем,
Курил; а разоренная Европа
Ждала его и думала о нем.

Город в тайге

НОВЫЕ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ
ОКРУГА

Судным вечером решил он развести костер и согреть чайку. Котелок пристроил на черных камешках, а вокруг запалил сухой плавник. Каково же было удивление охотника, когда черные камни загорелись жарким огнем. Попов собрал целые мешки образцов «черного камня» и отправил посылкой в Москву, Ленин.

Счастливая случайность? Нет. Вскоре молодой геолог Г. А. Чернов открыл в злешних местах богатейшие залежи каменного угля, положив начало основательному изучению Печорского угольного бассейна.

К 1920 году нефтяной город Ваку оказался в руках интервентов, и Ленин посылает в Архангельск человека с предписанием: «Постарайтесь разыскать или поручите разыскать печатные материалы и отчеты о нефтеносном районе реки Ухты...»

На Ухту было направлено несколько «легких» геологических экспедиций, которые в сравнительно короткий срок установили, что нефть на Ухте есть, Ухта — будущий промышленный район с богатыми запасами нефти, газа, асфальтита, горючих сланцев, леса...

И вот наступил 1929 год. Старенький диванский паровоз вывел по морю к Печорской губе караван барж и стал подниматься вверх по реке. Рокот машины огласил пустынные берега, заглушил лесные шумы, а многократно повторяемое «о железном шаром катилось по прибрежному склону» это была первая комплексная экспедиция, которая положила начало промышленному освоению края, строительству города на Ухте.

Вот основные вехи развития ухтинского промышленного района: 1930 год — открытие Чибьюского месторождения легкой нефти; 1932 год — открытие Ярегского месторождения тяжелой нефти, добыча которой впервые в СССР осуществлена шахтным методом; 1935 год — открытие крупного газового месторождения на Крутой, где в 1941 году построены сажневые заводы; 1936 год — открытие промышленных залежей нефти на Югью и Каменке, на средней Печоре; 1938 год — первый поезд пришел в Ухту. Железная дорога строится дальше, на Север...

Когда началась Великая Отечественная война, здесь, на Крайнем Севере, в невиданно короткий срок нарастают политический и трудовой подъем, который предшествует важнейшему событию в жизни народа и государства — выборы в Верховный Совет СССР. В лекциях и беседах чаще обычного упоминается история города...

рода, которую нелишне еще раз осмыслить накануне того дня, когда население Ухты придет к избирательным урнам, чтобы вместе со всем советским народом продемонстрировать свое единство, свою сплоченность вокруг Коммунистической партии, главная цель которой — забота о благе человека...

А. ЗНАМЕНСКИЙ
г. УХТА

Клуб в Sosnogorske. Фото В. Надеждина.

ЭПОС НАРОДНОГО ПОДВИГА

Иван ШЕВЦОВ

ЭТО было необыкновенно, вопреки всем «правилам» и «традициям», категорически утверждавшим: когда гремит оружие, музы молчат. Едва раздались первые громовые раскаты Великой Отечественной войны, как тотчас же «заговорили музы» советской литературы и искусства. Уже на второй день грандиозной битвы прозвучал призывный клич:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

В огне сражений, под гул канонады рождались страстные произведения советских писателей: «Русский характер» А. Толстого, «Наука ненависти» и «Они сражались за Родину» М. Шолохова, «Василий Теркин» А. Твардовского, «Морская душа» Л. Соболева, «Фронт» А. Корнейчука, «Письма к товарищу» Б. Горбатова, «Пир с нами» Н. Тихонова, «Взятие Великошумска» Л. Леонова, «Волоколамское шоссе» А. Бека, «Дни и ночи» К. Симонова, «Народ смертея» В. Гроссмана, «Огненная земля» А. Первенцева, публицистика А. Фадеева, С. Сергеева-Ценского, Вс. Вишневского, И. Эренбурга, стихи и песни М. Исаковского, А. Суркова, В. Лебедева-Буача, А. Софронова, Н. Гребачева, В. Журавлева и многих других. Эти опасные в жарких битвах произведения уже известных читателям авторов были грозным оружием в руках сражающегося народа.

Да иначе и быть не могло. В туце народной борьбы за счастье человека рождалось первое выдающееся произведение социалистического реализма «Мать» М. Горького. Мы помним, что «Чапая», «Разгром», «Тихий Дон», «Как закалялась сталь» и «Оптимистическая трагедия» были созданы непосредственными участниками гражданской войны. Выстраданные, кровью написанные, овеянные пафосом революционных битв за новый мир и светлые идеалы, эти книги завоевали горячую любовь миллионов читателей. И когда советские воины грудью встали перед фашистской лавиной, мы знали, что среди них — рядовых и офицеров — есть авторы будущих талантливых книг, посвященных великому ратному подвигу нашего народа. Прошло немного времени, и мы узнали их имена: М. Бубеннов, В. Закуткин, О. Гончар, В. Кожеников, Б. Полевой, Н. Чуковский, П. Федоров, М. Алексеев, Н. Чуковский, И. Шамякин, А. Калинин... Да всех и не перечислить.

Эта была небывалая в истории человечества война, именно самая народная, самая священная и самая кровопролитная из всех войн, которые когда-либо знала наша планета. Она превзошла все предыдущие войны не только по своим масштабам, но и по величии нашего воинского подвига, красоте человеческого духа, потому что в этой войне решалась проблема, которую никогда прежде с такой остротой не ставила перед человечеством история: свет или мрак, свобода или фашистское рабство на всей земле. И советские люди отлично понимали, что защищают они гораздо больше, чем родной очаг и свою собственную судьбу. Под угрозу было поставлено все то, что завоевано ценой страданий, крови и жизни многих поколений, мечта прадедов и отцов, счастье сыновей, внуков и правнуков, светлая надежда миллионов простых людей всего мира.

Вот почему эта война рождала невиданные ранее сказочные богатейшие, чье мужество, героизм и благородство достигали вершин идеала. Величие событий требовало талантливых певцов. Перед советской литературой стояла очень ответственная и не легкая задача: создать произведения, достойные подвигов геро-

ческого народа. И надо отдать должное нашим военным писателям: они с честью выполнили свой долг перед Родиной и народом, создав такие глубокие, правдивые и высокохудожественные произведения, как «Василий Теркин», «Белая береза», «Знаменосцы», «Фронт», «Зеленый луч», «Семья Рубанюк», «Генерал Доватор», «Солдаты», «Балтийское небо» и целый ряд других, быть может, менее талантливых, но полезных и крайне необходимых читателей книг, которые, дополняя одна другую, и составили эпос народного подвига.

Мы были очень взыскательны и требовательны к военным писателям и подчас не замечали (или не хотели замечать), что из-под пера наших современных писателей, в том числе молодых, выходят талантливые книги о войне, книги, тепло встреченные массовым читателем, книги, которым суждено было войти в золотой фонд советской литературы. И в этой связи нельзя не упомянуть тех критиков, которые не видели действительного положения дел в советской военной литературе. Шло время. Писатели продолжали расширять и углублять военную тему. В последние годы только в русскую военную литературу влились молодые одаренные писатели: И. Левченко, И. Маркин, И. Падерина, И. Стадник, Г. Семенович, Г. Гончаренко, В. Кошдратенко и много других. А некоторые из критиков по-прежнему продолжали сводить всю нашу военную литературу к одинаково давно составленной «обойме» из пяти-шести авторов, не замечая даже того, что, как говорил М. Шолохов, «обойма» эта на часть ее со временем начала ржаветь. Этим самым волюнтарно и невольно мы «обворовали» нашу литературу, нарочито «приблестили».

Среди книг, посвященных Великой Отечественной войне, мы знаем немало произведений, продолжающих славные традиции «Чапая», «Железного потока», «Как закалялась сталь». В них с большой художественной правдой написаны воздушные картины грозных военных лет, с их страниц встают настоящие, не схематичные, а живые, полнокровные герои, яркие, сильные характеры советских воинов — солдат, матросов, партизан, офицеров и генералов, достойных наследников Чапая, Корчагина, Кочубея. Они стали любимыми миллионами читателей, видящих в них благородный пример для себя, для своей жизни. Их много, разных по характеру, по внешнему виду, но одинаково прекрасных душой. Василий Теркин, Андрей Лопухов, Хома Хаецкий, Аким Брофенко, офицеры Брянский и Мересев, братья Рубанюк, Алексей Решетников и Алексей Гордиенко, генералы Доватор и Огнев, комиссары Олешкевич и Абашев. Всех их объединяет цельность характера, сила и красота духа, благородство мыслей и чувства, действий и поступков, беззаветная любовь к своей Отчизне и народу своему, готовность к самопожертвованию во имя счастья человечества. Именно цельность характера, богатство духа отличают эти герои. Им чужды «раздвоенность», ущербность души, которую любят выискивать и смаковать иные писатели, пытавшиеся исказить или принизить облик советского воина. Положительные качества живут в них органически, являясь неотъемлемой чертой их характера. Все их поведение, поступки, мысли и чувства логически мотивированы. Герой «Зеленого луча», молодой лейтенант Алексей Решетников, совершает свой первый подвиг, «случайно» находясь пассажиром на военном корабле. Во время налета фашистских бомбардировщиков он хватается голыми руками горящий ящик с ракетами и бросает его за борт, предотвращая взрыв на корабле. Затем, оказав-

шись на мостике, он заменяет убитого командира, принимая на себя командование кораблем во время сильной бомбежки, отражает воздушный налет врага и все делает это просто, естественно, без рисовки и позы. И мы верим, что он, Решетников, иначе не мог поступить. Таков он есть, созданный писателем, таким мы его любим, верим ему и знаем, что дурных поступков он совершить не может.

Мы знаем, как храбро и самоотверженно дрались русские люди с чужеземными захватчиками на Чудском озере и на Поле Куликовом, под Бородином и на северо-западных рубежах. Они и тогда сражались за Родину и ее независимость. И все же это были не те войны по силе духа, по идейной сознательности. Для солдат Великой Отечественной войны Россия была не просто Родина, а советская Родина, родная, желанная, мечта, воплощенная в реальность. И они это прекрасно понимали. Недаром бывалый солдат Евстигнеев рассуждал: «Конечно, воевал наш мужик и в ту войну, при царе Николае, исправно. Земля-то родная, русская... Летний был мужик на тех, кто сеял эту, русскую, отъять хотел...» И все-таки тогда, «при царе Николае», одолевали Евстигнеева иные думы. «...Сидишь в землянке или в секрете, про дом вспоминаешь, про землю эту... «Чья она?» — думаешь. У меня до самой революции земля-то с воробьиный скот было. А у полкового командира нашего... тридцать тысяч десятин. Чистенькая... Да лесу сколько!.. «Х!» — думаешь, — дати тебе в руки винтовочку трехлинейную, за веру, царя, отчество, мол, братцы, вперед! А чья ж эта самая отчество?»

Цельность во всем и везде — в бою и любви, в мыслях и поступках.

В лучших своих произведениях советские писатели добрались до самых глубин военной темы, подняв ее до эпического звучания. Они воплотили в ярких художественных образах все основные, главные черты, присущие советским воинам. И как бы ни были различны по своему характеру, по жизненному опыту и происхождению рядовой Андрей Лопухов, сержант Петр Рубанюк, боцман Хазов, офицер Брянский или генерал Доватор, — их объединяет много общего, неотъемлемых качеств, точно так же как есть «единая линия», «общая сумма вопросов и проблем», поставленных в наиболее ярких, художественно совершенных произведениях об Отечественной войне.

И вот, спустя четверть века тот же русский солдат Евстигнеев, снова сидя в окопах, уже не спрашивал себя, «чья отчество», потому что знал — его оно, родное, которое не только он сам «возводил», но которое и его самого «возводило» и поднимало до высот свободного человека, хозяина своей страны. И, конечно, ныне мысли высказывает теперь Евстигнеев: «Мужи б ему сказали теперь — ступай домой, без тебя доведем, не пошел бы! «Истинно говорю. И ранений не пошел».

Родина, Отчизна-мать, родная советская земля!.. К ней, как к магниту, тянулись сердца и души миллионов ее сынов и дочерей. Потому что нет ничего дороже на свете для советского человека, чем Родина-мать.

Вспомним такую картину: подполковник Иван Рубанюк стоит на берегу Днепра, где проходит линия обороны, и вдруг видит плавающий по реке одинокий труп старика. «Может быть, старик еще воевал мирно сторожил бахчу или рыбачил с вьюком под тенью верб... С изумительной четкостью в памяти Рубанюка предстают вдруг Чистая Криница с теплым сухим запахом сосен в прибрежных перелесках, росистые степи, родной двор над Днепром, шалаш, утопавшие в крапиве и полыни, босоногий Петашка, старый отец».

Капитан Чумаченко из «Знаменосцев» Гончара говорит: «А сколько там нашего труда вложено! Наших радостей. Нашего счастья. Когда мы форсировали Днепр, я увидел нашу славную матушечку Днепрку. Она была смонтирована на воде, красавица, знает, была. Легкая такая, стройная, на высоком фундаменте. Глазку, лежит утопленная головой в воду. Захотелось походить, обнять, сказать: «Встань, поднимись!» Вам, наверное, трудно это понять. А для меня эта сестра была всем. Потому что не только я ее возводил, но и она меня поднимала».

Вот это и есть чувство Родины, с которой солдат связывают тысяч неудовольных, только ему понятных нитей, рождающих пламенную сыновнюю любовь к Отчизне и ненависть к тем, кто подлил свой меч на его свободу и независимость. Успех лучших книг о войне, их животворящая сила кроется прежде всего в том, что их авторы, большие художники слова, сумели передать в правдивых, самых действительно достоверных деталях это святое чувство Родины. Не пустая риторика, не холодная рассудочность и утомительно длинное философствование о сущности войны и гражданского долга война, как это можно наблюдать в произведениях, авторы которых, «взяв бой со стороны», так и не смогли проникнуть в солдатскую душу, а жила, на первый взгляд очень простая деталь, помеченная острым глазом пытливого и одаренного художника, придает произведению тот душевный трепет, невыдуманную жизнь, все то, что волнует читателя, входит в его душу чем-то очень большим, родным и близким.

Итак, мы знаем, как храбро и самоотверженно дрались русские люди с чужеземными захватчиками на Чудском озере и на Поле Куликовом, под Бородином и на северо-западных рубежах. Они и тогда сражались за Родину и ее независимость. И все же это были не те войны по силе духа, по идейной сознательности. Для солдат Великой Отечественной войны Россия была не просто Родина, а советская Родина, родная, желанная, мечта, воплощенная в реальность. И они это прекрасно понимали. Недаром бывалый солдат Евстигнеев рассуждал: «Конечно, воевал наш мужик и в ту войну, при царе Николае, исправно. Земля-то родная, русская... Летний был мужик на тех, кто сеял эту, русскую, отъять хотел...» И все-таки тогда, «при царе Николае», одолевали Евстигнеева иные думы. «...Сидишь в землянке или в секрете, про дом вспоминаешь, про землю эту... «Чья она?» — думаешь. У меня до самой революции земля-то с воробьиный скот было. А у полкового командира нашего... тридцать тысяч десятин. Чистенькая... Да лесу сколько!.. «Х!» — думаешь, — дати тебе в руки винтовочку трехлинейную, за веру, царя, отчество, мол, братцы, вперед! А чья ж эта самая отчество?»

Итак, мы знаем, как храбро и самоотверженно дрались русские люди с чужеземными захватчиками на Чудском озере и на Поле Куликовом, под Бородином и на северо-западных рубежах. Они и тогда сражались за Родину и ее независимость. И все же это были не те войны по силе духа, по идейной сознательности. Для солдат Великой Отечественной войны Россия была не просто Родина, а советская Родина, родная, желанная, мечта, воплощенная в реальность. И они это прекрасно понимали. Недаром бывалый солдат Евстигнеев рассуждал: «Конечно, воевал наш мужик и в ту войну, при царе Николае, исправно. Земля-то родная, русская... Летний был мужик на тех, кто сеял эту, русскую, отъять хотел...» И все-таки тогда, «при царе Николае», одолевали Евстигнеева иные думы. «...Сидишь в землянке или в секрете, про дом вспоминаешь, про землю эту... «Чья она?» — думаешь. У меня до самой революции земля-то с воробьиный скот было. А у полкового командира нашего... тридцать тысяч десятин. Чистенькая... Да лесу сколько!.. «Х!» — думаешь, — дати тебе в руки винтовочку трехлинейную, за веру, царя, отчество, мол, братцы, вперед! А чья ж эта самая отчество?»

ГДЕ ИМЕННО начинается полоса тайги, сказать трудно. Но за Вологодой и Коношей пассажир скорого поезда Москва — Воркута уже вполне привыкает к лесам. Они плотной стеной подходят к железной дороге, неохотно расступаясь у небольших станций, вокруг редко разбросанных здесь деревень.

Вот мелькнули огни Котласа. Поезд с грохотом перешел мост через Северную Двину и погрузился в дебри первобытной тайги. Теперь-то, кажется, и пойдет та глушь, начнутся те заповедные места, о которых некогда сложилась в народе поговорка: «Здесь небо досками заколочено и колокольчик не звенит».

Все дальше и дальше на север... Все гуще и непроходимее леса, больше болот, гарей, буреломов... И вдруг картина резко меняется. На удивление пассажиру, впервые совершающему путешествие по Северу, снова начинаются города. Чем ближе к Полярному кругу, тем больше населенных пунктов и промышленных предприятий, больше людей. В вагонном окне там и сям, отгесняя лес, мелькают открытые пространства — угодья северных совхозов и подсобных хозяйств. Развертывается картина преобразования сурового северного края.

Первый город на нашем пути — Ухта. Поезд подходит к нему в сумерки. В эти часы вся пада над рекой Ухтой задита светом электрических огней. Вдали полыхает большой оранжевый завод над кринки заводом. Звездной гирляндой сверкает фасад мощной электростанции, отраженный в незамерзающем плесе реки. Огни крупного механического завода и других предприятий города доплывают панораму.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР об избирательных округах под № 387 значится Ухтинский округ с центром в городе Ухте. Это один из 31 нового избирательного округа по выборам в Совет Союза, которых не было на прошлых выборах в Верховный Совет.

История этого города, построенного в последние четверть века в одном из самых «медвежьих уголков», которыми богата была старая Россия. Эти места особенно наглядно иллюстрируют те экономические и социальные сдвиги, что произошли за годы Советской власти в нашей стране.

Известно, что еще во времена Петра I на Ухте добывалась нефть. Но Ухте долго «не везло». Журналист Панкратов, посетивший до революции Ухту, так резюмировал свои путевые очерки «Миллионы в земле»: «Семь дней я пробыл на Ухте. Она стоит печальная, пустая, заброшенная, как околдованная. Чудится, что никто к ней безнаказанно не подойдет, не поведет. Старый злой волшебник Нобель знает заговорное слово...»

И стоит печальные лиственницы... звонит колокол... Когда придет рыцарь и своей энергией и силой разрушит чары...»

Этим рыцарем оказался народ, вставший в Октябрь 1917 года в своей борьбе за свободу и ставший хозяином всех богатств на родной земле.

Революция вызвала далекие окраины к новой жизни. Освобождение Севера началось одновременно по всему широкому фронту.

В 1919 году коммун-охотник В. Я. Попов промышлял у реки Воркуты

К 40-летию советских вооруженных сил

ЧЕТКО отбивая шаг, идет по улицам старейшего русского города Владимира воинское подразделение. Выстраиваются вдоль тротуара дети, приставляющие к прохожим, прожывая строй внимательным, телым взглядом. Солдаты, сержанты и офицеры подразделения — люди близкие, родные жители города.

Войны — частые гости завода — хорошо знают, над чем трудится коллектив, что делается для успешного выполнения программы, они отлично знакомы со многими рабочими и мастерами. В Ленинской комнате казармы не красиво оформленном стенде — фотографии лучших производственников завода.

Михаил НАИДИЧ
ВОТ ОНИ
(Друзьям-литераторам)
Как часто мы, вступаю
в споры
И горячась наперблюд,
Все ищем, смотрим — где,
который
Наш положительный
герой?..

А тут же рядом,
под горою,
Где лес уперся
в небосвод,
Взвод положительных
героев
На стрельбище с песнями
идет!

ДРУЖБА

Обязательно наведем те- кт порядок в заводском общежитии, — сказала одна из них.

К юбилею Советской Армии рабочие готовят военный подарок. Среди них модель трактора — символ мирного труда, которую охраняют Советские Вооруженные Силы. Предстоит встреча новаторов производства и отличников боевой и политической подготовки, совместный агитпоход в колхоз, посвященный выборам в Верховный Совет СССР, экскурсия по историческим местам города и области и много других интересных дел.

Войны — желанные и частые гости в Областном драматическом театре.

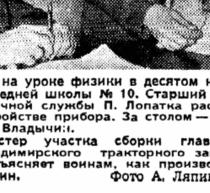
Тесная связь нашей армии с народом традиционна. Она имеет глубокие и крепкие корни. Об этом хорошо сказано в беседе с воином и городской молодежи старейший член партии, участник гражданской войны, Степан Дмитриевич Жеванин:

Вам, молодежи, надо как можно лучше знать друг друга, чаще встречаться, крепче дружить. Никогда не забывайте, что Советская Армия, созданная Ленинской партией, — плоть от плоти нашего великого народа.

О. ОПАРИН,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
г. ВЛАДИМИР

На снимках: на уроке физики в десятом классе вечерней средней школы № 10. Старший сержант сверхсрочной службы П. Лопатка рассказывает об устройстве прибора. За столом — преподаватель Е. Владыкин.

Сменный мастер участка сборки главного конвейера Владимирского тракторного завода П. Устюгов объясняет воинам, как производится сборка машин. Фото А. Лапина

ВОИНЫ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

РОВЕСНИЦА ПЕРВОГО БОЯ

ПСКОВ. Утро 22 февраля 1918 года. Пятнадцатилетняя гимназистка Ангелина Махновская собралась в школу и отправилась к подружке готовить уроки. На углу Гоголевской улицы она увидела толпу солдат, собравшихся около круглой афишной тумбы. Ангелина хотела было пройти мимо, но один из них попросил ее:

— Погодь-ка, барышня. Читать умеешь? — Умею, — растерянно ответила Ангелина.

Солдаты растерялись. Поверх яркой афиши киноленты «Бабрица» о пунчиных войнах было наклеено четырехугольный белый листок. Это был декрет Владимира Ильича Ленина — «Социалистическое отечество в опасности!». Солдат ткнул в листок пальцем:

— Читай!

Тогда тесно сгрудилась вокруг гимназистки. Когда она прочла, попросила повторить все сначала. На этот раз Ангелина прочла и приписку, сделанную карандашом в нижней части листочка: «Занись в Красную Армию» производился в помещении бывшего кадетского корпуса в комнате такой-то...

Солдаты притихли, молча, долго и трудно думали, глядя прямо перед собой. Наконец, один из них сказал:

— Ну — айда!

— Куда? — спросил кто-то.

— Не понимаешь что ли?.. Кадетский корпус искать! Куда же еще!

И солдаты двинулись, тяжело ступая по панелям ногам, обутыми в неуклюжие армейские ботинки.

Ангелина осталась одна на холодной улице, подметаемой пронзительным февральским ветром, около тумбы, обклеенной яркими афишами с физиономиями кинематографических красавиц и красавцев, по верх которых белел скромный листок с портретом Ленина и его словами.

...Заведующая методическим кабинетом областной библиотеки А. Д. Золотевская (ее девичья фамилия Махновская) сейчас уже в точности не помнит, как именно мысленно пришла в тот момент ей в голову. Помнит она лишь то, как пошла по адресу, указанному в листочке...

В комнате, где производилась запись в Красную Армию, было полно народу — тех самых солдат, которым Ангелина только что читала ленинский декрет. Было шумно, над толпой колыхались волны сильного мажорного дыма.

Ангелина прижалась в уголке коридора, дождалась, пока все ушли, и осторожно заглянула в проткрытую дверь. За столом, устало склонив на руки голову, сидел человек в кожанке. Позже Ангелина узнала, что это был большевик Б. П. Позери. Ангелине было несложно бездонить его, но и уходить она не хотела. Так и топталась у дверей, пока Позери не поднял воспаленные от бессонницы глаза.

— Что тебе надо? — Хочу записаться в Красную Армию! — выпалила Ангелина.

— Сколько лет? — Двадцать.

— Ой, сочиняешь! — Нет, ей-богу двадцать!

— Ну, ладно. А как у тебя с грамотой? — Нашли заявление.

Жагелся, и на уроках чистописания Ангелина не выводила букв так старательно. Позери пробежал написанное и задумчиво провёл ладонью по заросшему подбородку:

— Грамотная ты — это верно. Но насчет возраста все-таки сочиняешь! В это время двери растворились, и в комнату вошел высокий, подтянутый молодой военный.

— Вот кто, товарищ командир, — сказал Позери, обращаясь к военному, — ты искал себе писаря? Возьми ее!

Военный недовольно поморщился, но, поглядев в умоляющие глаза девушки, произнес:

— Бегу в Иркутские казармы. Разыщи там штаб Второго Красноармейского полка. Скажи — Черепанов прислал.

Ангелина ахнула к подружке, написала записку, велела передать ее матери не раньше чем через два дня и, не заходя домой, побежала в Иркутские казармы.

В ту же ночь Второй Красноармейский полк был поднят по тревоге и занял позиции на ближних подступах к Пскову. Утром грянул бой с наступавшими немецкими корпусами. Вместе с полком в этот первый бой зарождавшейся армии Советской Республики вступила и пятнадцатилетняя псковская гимназистка Ангелина Махновская, для которой разрыв снарядов и треск пулеметных очередей возвестили вступление в новую, настоящую жизнь...

1941...

В ДОМЕ офицеров Псковского гарнизона, в комнате боевой славы, под кубками, завоеванными спортсменами-воинами в гимнастических зротах, на лампе и беговой дорожке, лежит книга в плюшевом переплете. На металлической пластинке выгравирована надпись: «Боевой путь комсомолец Н-ской части». Книга эта написана еще в годы Великой Отечественной войны самими комсомольцами. Перелистайте ее зачитанные до дыр страницы, примотитесь к бесприторным рисункам, сделанным цветными карандашами...

...Вот начало этого пути. Сентябрь сорок первого года под Одессой. Погожее утро. На востоке поднимается солнце, разгоняя утренний туман. Широко раскинулось, сверкает роем поле. Желтеют скверы. Все — мирное, привычное... Будто и войны нет.

А в окопах идут последние приготовления к бою. Первый бой! Знаете ли вы, что испытывает человек, впервые в жизни готовящийся встретиться лицом к лицу с врагом? Какой поток мыслей и чувств переполняет его. А внешне — все сосредоточены и напряжены, застыли в торжественном молчании. Вот-вот будет сигнал к атаке.

Ровно в семь тридцать заговорил оружье — началась артиллерийская подготовка. Впереди поднялись, слились в сплошную черную ленту, пронзавшую багровыми вспышками, столбы разрывов. В воздух взлетели ракеты. Раздалось могучее «ура». Бойцы встали в рост, побежали среди горючих скверов по кипящему, воющему и стонущему полю... Впереди — железная дорога. На разезде около входа в просторную землянку — труп офицера, с портфелем в неестественно откинутой руке. Среди землянки — на хорошо сервированном столе — жареная курица, бутылки с вином, молоко, горячий чай, нарезанный хлеб... На спинке стула — мушкетер с генеральскими погонами. Генерал едва унес ноги, бросив на прощание судьбу своего адъютанта, штабные документы, свою лизинку...

А советские бойцы шли все дальше, увлекаемые могучим порывом, и вот уже захвачены дальнебойные орудия, из которых гитлеровцы обстреливали Одесский порт...

Позже обстрелянные и закаленные в боях солдаты и офицеры этой части дрались в Крыму, в бурную декабрьскую ночь, под вражеским огнем, высаживались с десантных кораблей в Феодосии, добравшись до берега вилась в ледяной воде, сдерживали натиск немецких танковых армий на Дону под Пявляном...

Со страниц книги на вас глянут живые глаза 27 героев во главе с капитаном Гевко, сложивших свои головы в неравном бою у стен Сталинграда... А дальше вы прочтете слова песни:

Есть на Волге утес, он броней оброс,
Что из нашей отаги куется.
В мире нет никого, кто не знал бы его,
Он у нас Сталинградом зовется...

И внизу приписка: «Защитники Сталинграда сложили эту песню и пели на мотив — «Есть на Волге утес». Записал Цибилев».

Многих из героев этой замечательной книги уже нет в живых, другие давно демобилизовались, разблудились в разные концы. Но они не забыли своей родной части.

Их письма, аккуртно переплетенные, лежат рядом с кинутыми боевыми комсомольцами. Работники политотдела и редакция гарнизонной газеты могли бы рассказать целую повесть о том, сколько труда понадобилось, чтобы разыскать адреса бывших солдат и офицеров.

В. ПАВЛОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

ПСКОВ

Теперь новое пополнение хорошо знает имена ветеранов части — сплех однополчан, знает их подвиги, их боевой путь, их послевоенную жизнь.

В МИРНЫЕ ДНИ

В ГОСТИ к воинам Псковского гарнизона часто приезжают ветераны двух войн и рассказывают им о событиях и испытаниях тех трудных лет. И уж, конечно, самый частый гость — депутат городского Совета Ангелина Дмитриевна Золотевская.

Ей близка и понятна трудная, полная тягот солдатская жизнь, близки чаяния и думы и молодых, и уже повиновавших пороку воинов.

Это и неудивительно: большая часть жизни Ангелины Дмитриевны — с 23 февраля 1918 года и до конца 1946 года — прошла в рядах Советской Армии. Она сражалась с Колчаком, с японцами на Дальнем Востоке, работала в подполье, была ранена, участвовала и в боях Великой Отечественной войны...

Оба ее сына — Владимир и Рам — в первые же дни войны добровольцами ушли на фронт. В 1942 году два тяжелых удара обрушились на Ангелину Дмитриевну. На казахских перевалах, в сотне километров от Туане, сразила вражеская пуля лейтенанта-разведчика Владимира Золотевского, а 9 октября в боях под Сталинградом пал смертью храбрых младший сын — Владимир Дмитриевич — командир взвода пехотных училищ — Рам. У Ангелины Дмитриевны не осталось родных. Но она не чувствует себя одинокой. По-прежнему, как и в былые годы, она — полноправный член дружной военной семьи.

Будни избирателей Ангелины Дмитриевны заполнены напряженной боевой и политической учебой. Но и сейчас, в эти мирные дни, воины совершили немало благородных поступков.

Ангелина Дмитриевна с гордостью расскажет вам о том, как однажды, во время учений у сержанта Маслова в воздухе выпал из строя парашют. Маслов раскрыл запасной, но он запутался в главном куполе, и сержант с бесформенным комком ткани за спиной продолжал удерживать парашют. Гибель Маслова казалась неизбежной. И в этот критический момент жизни товарищу спас спускавшийся неподалеку сержант Турин. Когда Маслов стремительно пролетал мимо, он, рискуя жизнью, успел ухватить его за не раскрывшийся парашют... Резкий рывок. Турин сорвал себе ногти, из-под них начала сочиться кровь, но он не разжал руки. Оба сержанта благополучно приземлились на одном парашюте.

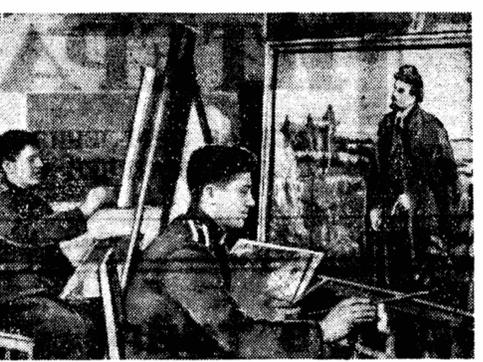
А во второй случай. Как-то в феврале на ночных занятиях отделения старшего сержанта Ивлева было приказано проложить линию связи. Когда работа была закончена, Илев расставил связистов по местам, а сам отправился проверить линию. Ночь выдалась холодной. В лесу бушевала метель. Сухой снег больно хлестал в лицо. Старший сержант шел медленно, время от времени останавливаясь и поправляя провод... Вдруг ему послышался чей-то слабый стон. Прислушался. Стоп повторился. Илев кинулся в кусты. Там лежала замерзшая, полузамерзшая снегом пожилая женщина. Оказав пострадавшей первую помощь, Илев поднял ее и понес. Только к утру с тяжелой ношей на руках, усталый и обмороженный, добрался, наконец, Илев до деревни.

Это лишь немногие из того, что мне довелось услышать о мужестве и отваге воинов третьего поколения — сыновей и внуков тех, кто с оружием в руках отстаивал молодую Советскую Республику в пламенные годы гражданской войны, кто в тяжелых боях Отечественной войны защитил свободу и независимость народов многих стран мира...

Но и в этих поступках благородных и мужественных людей, несущих службу Родине в древнем Пскове, ярким огнем горит отсвет славных боевых традиций Великой Армии Мира.

В. ПАВЛОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

ПСКОВ

Курсанты Киевского танкотехнического училища имени С. К. Тимошенко братья Александр и Евгений Жирновы пишат картины в художественной студии клуба училища. Фото Н. Цидильковского

НА КОРАБЛЯХ ИДЕТ СЛУЖБА

С ШКОЛЬНЫХ лет он мечтал о морской службе. Океанский простор, дальние походы, могучие корабли и несгибаемые люди, побеждающие суровую стихию, — в этом мире он жил задолго до того, как впервые ступил на палубу...

Так принято писать о моряках. Мне же явно не везло: привычные представления обманывали. Офицеры флота, с которыми пришлось встречаться, с извращенной улыбкой, — чувствовалось, как им невольно разочаровывал меня, — признавались, что в юности о флоте и не помышляли. Один хотел учить ребят. Второму казалось, что его призвание — агрономия. Третий считал самым интересным делом сталевадение...

Конечно, человек, который боится моря, никогда не станет хорошим офицером флота. Но этого мало. Знания? Их идет высшее военно-морское училище. Но и это еще не все, а быть может, и не самое главное...

Каюта командира крейсера — не очень удобное место для продолжительных бесед. То звонит телефон, то в дверях вырастает очередная фигура с неизменным: «Разрешите обратиться, товарищ капитан I ранга». «Куйбышев» стоит в гавани, и Владимир Васильевич Михайлину приходится заниматься множеством неотложных дел. Но вновь и вновь мы возвращаемся к одному и тому же: что же все-таки главное, без чего немыслима успешная служба офицера?

По советски говоря, мне и во сне не снился разговор — возобновил прерванный разговор, докладывавший о предстоящей поездке участником самодельной лодки на море в Москву. Сам я надумался, в Кадуге окончил сельскохозяйственный техникум, работал заместителем директора совхоза. И в 1939 году был уже студентом второго курса Тимирязевской академии, когда в московских вузах объявили комсомольский набор в военно-морские училища. Очень не хотелось мне ломать задуманную жизнь. Но знает, что ожидает меня в этом военно-морском училище? А идти надо было. Стучилось так, что я в то время руководил комсомольской организацией академии. И здорово было бы, если бы я выступил с пламенной речью: вы, ребята, мол, отправляйтесь, а мне лучше остаться здесь.

Наступает время обеда. Телефонные звонки и посетители (пусть простят мне это «штатское» слово) становятся горадо меньше.

Я не забыл о вашем вопросе. — Михайлин на минуту умолкает. — Вот я думаю, почему большинство тех, кто пришел на флот по путевкам комсомола, преувеличивает в институтах, успешно освоили новое дело? Они чувствовали ответственность перед теми, кто послал их, — перед своими комсомольскими организациями. Они понимали, что если уж сказано: «Этого требует Родина», — все отходит на задний план, от личного надо отказываться. Можно самозабвенно любить море, можно назубок знать свои обязанности, но колд нет у офицера этого чувства ответственности, — толка из него не будет.

Мы много говорим сейчас о сложности современной техники, о том, что она требует больших специальных знаний. И в самом деле, разве можно сравнить сегодняшнюю технику

ку с той, что была на траулнике, где мне, только что выпущенному из училища лейтенанту, пришлось служить в начале войны? Но есть искусство куда более сложное, чем управление техникой. — Это умение работать с людьми. Если офицеру оно не дается, никакими другими качествами порою этот не возместить — рано или поздно он слажается. И чем сложнее обстановка, тем труднее выдержать экзамен по этому главному «предмету», который не преподается в училищах и академиях. — Здесь учить нельзя. А где же встречи с Михайлиным я слышал, как храбро он воевал. Когда в мае 1944 года траульщик «Т-110», которым он командовал, награжден орденом Красного Знамени, на боевом счету корабля были десятки уничтоженных акустических и магнитных мин, — они были тогда в новинку, — десятки благополучно отконвоированных транспортов. А ведь «Т-110» действовал в арктическом районе, где корабли такого типа прежде не плавали.

Я напомнил капитану I ранга об этой поро.

— Если хотите знать, — заметил Михайлин, — мне, наверное, лучше было воевать, чем некоторым другим молодым офицерам. Но не потому, что я семи пядей во лбу. Просто еще в начале тридцатых годов, когда пришлось участвовать в создании колхозов, меня, безусого комсомольца, научили работать с людьми, а главное, понимать, что без этого, за какое дело ни возьмись, успеха не будет.

В МОРСКОЙ корпус, единственное в дореволюционной России учебное заведение, готовившее офицеров флота, принимали только сыновей офицеров, потомственных дворян и чиновников не ниже четвертого класса табели о рангах. Так создавалась каста. Революция все это поломала. Она в корне изменила и социальный состав офицеров, и характер воинской дисциплины, и взаимоотношения между офицерами и матросами. Родился флот совершенно нового типа. Он не только оборонял социалистическое Отечество, — в его рядах формировались активные строители нового общества. Когда-то сюда приходили малоромотные парни, а после службы они становились комсомольскими вожаками на селе, возглавляли ударные бригады на стройках.

Сейчас у новобранцев не то образование, что прежде, не те культурные запросы, не тот кругозор. И все-таки на разных кораблях от матросов и старшин, служащих по четвертому, последнему году, мне приходилось слышать одну и ту же фразу: «Флот сделал меня человеком». А это — важнейший показатель высокого уровня боевой и политической подготовки, самое достоверное свидетельство того, что офицеры свою главную задачу понимают так, как характеризовал ее Владимир Васильевич Михайлин.

В последнее время у нас широко обсуждаются проблемы воспитания молодежи. Насколько я могу судить, на флоте за этой дискуссией следят самым внимательным образом. Пожалуй, было бы полезно выслушать и мнение офицеров. Они могут сказать немало интересного и поучительного. Им порой приходится, как говорят моряки, «приводить в меридиан» всевозможных разгильдяев, с которыми не могли справиться соеди-

ненными усилиями родители и школа. И по большей части это удается. Они, может быть, лучше, чем кто-либо другой, видят, что наша школа до сих пор еще не дает своим питомцам почти никаких практических навыков: люди с аттестатом зрелости не только испытывают страх перед машиной или прибором, но иногда не умеют обслужить самих себя — постирать, починить пуговицу, убрать койку. Они знают и другое, что стоит особым усилием всему этому научиться. И когда Юрий Ротай — старший матрос одного из траульщиков ездил в отпуск, он поразил родных: сам стал стирать и гладить свои вещи. Ему казалось диким, что мать, немолдая женщина, хотела этим заняться. Впрочем, это мелочь, хотя и очень показательная на наш взгляд. Гораздо важнее другое. После десятилетия тот же Ротай поступал в пищевой институт, но не прошел по конкурсу. На флоте он получил специальность, полюбил ее. И твердо решил: после демобилизации будет работать и заочно учиться на радиотехническом факультете. А разве Ротай исключение?

Ежегодно флот дает стране немало количество блестящих радистов и радиотехников, в совершенстве владеющих сложнейшей техникой, опытных электриков, высокого класса механиков и других весьма дефицитных специалистов. Ну, а кто пришел на службу уже хорошим, нужным флоту специалистом, — это ведь тоже обычное явление? Что же он проявляет, топчется на месте, в тысячный раз прокручивает пластинку, которую и так знает наизусть? Я задаю этот вопрос двум друзьям с крейсера «Куйбышев». Один из них — старшина I статьи Федюлов окончил энергетический техникум, второй — гвардист на Дуве — железнодорожное училище. Они как-то очень дружно уловились моему вопросу и как же дружно объяснили мне, что на «гвардейский» рядя ли нашелся бы смельчак, который доверил им столь самостоятельную работу у мощных и сложных машин. А здесь доверили. И у них теперь такой опыт, о котором они и мечтать не могли.

Однако те, кто говорил: «Флот сделал человеком», — имели в виду нечто большее, чем освоение какой-либо специальности и повышение квалификации. Речь шла о духовной и политической зрелости человека. Это проявляется во всем — и в мелочах, и в серьезном. Когда Борис Березняк, секретарь комсомольского бюро подводной лодки, сказал мне, что у себя в МТС ни разу не выступал на комсомольском собрании, не знал, что и как говорить, — я, признаюсь, не поверил. Да и ему, сейчас кандидату в члены партии, вероятно, не верится, что так было.

«Флот сделал человеком». Среди демобилизованных всегда немало коммунистов. Здесь, на кораблях, заслужили они право на это высокое звание и никогда не забудут об этом.

Каждый год моряки провозносят товариществу, отслуживших свой срок. Замечательные люди возвращаются по домам. А учебные отряды флота уже принимают новое пополнение. На кораблях своим чередом идет служба...

Л. ЗАРАЗЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ

Завещанное живым

Проходят годы, подступают новые события, но остается неизменным интерес к каждой книге, сумевшей донести до нас жаркое дыхание горных и победных дней войны. К таким книгам принадлежит и сборник белорусского поэта Алексея Зарицкого «Поэмы». В нем — и боль от пережитого в военную годину, и гордость за победу родной армии, и память о людях, отдавших жизнь за правое дело.

Лейтмотивом сборника проходит проблема жизни и смерти. Но она рождена не абстрактным философствованием и рассудочностью, а живой, насущной заинтересованностью: во имя чего шла война, во имя чего погибли солдаты. Поэтому так крепко вошли в книгу дети. В них для Зарицкого воплощена нестерпимая сила народа, гуманизм нашей армии.

От фашистской неволи, от поругания славы бои детей на маленьком полуострове Добрыня (поэма «Товарищ Саша»). Это небольшое по масштабам войны деяние позволяет поэту свободно — и справедливо! — перейти к пафосным словам о стремительных мирных годах, о спасенных детях, ставших нынче зодчими, строителями, создателями.

Воины-парашютисты (поэма «Наш сын») видят на большаке убитую женщину, а рядом — маленького ребенка, на которого фашист пожелал пулю; и так, дескать, сгинет. Солдаты спасают мальчика:

Тебе и во мне,
Малышуга синеглазый,
Поблужив мать не припомнить ни разу,
И пуши вот этой,
Шумевшей тревожно,
И двух незнакомых бойцов

Что шло по лесам,
По трясинам,
Тебя называючи сыном
(Перевод Дм. ОСИНА)

Как много говорят сердцу эти березы — родные березы, зовущие отомстить за поругание родной земли! А как красит всю поэму «Товарищ Саша» картина ночного неба, созвездия Косцов:

На небе июльском Косцы восходили,
Сававалось, что все на просторах
земли

Луга они дружно до края скопили
И выше, к неконечным, к новым,
пошли.

Алексей Зарицкий
«Советский писатель»
1937

Этот подвиг безымянных солдат и есть, в сущности, олицетворение нашей армии — не случайно ведь поставлен в Берлине памятник советскому воину с ребенком на руках.

Даже рассказывая о сегодняшних буднях, поэт обращается к памяти о годах войны, и это придает всей картине неординарную глубину, весомость. Борьбу вокруг создания новых сельскохозяйственных машин изображает Зарицкий в «Повести про золотое дно». Но и здесь герои то и дело вспоминают одного из конструкторов — Ярослава Лоуку, который погиб в годы войны, так и не закончив работы над «болотным кораблем».

Завистники и недруги обвиняют Якуба Шатилу, что он учрал чертужу своего друга, но Шатила просто продолжал дело умриших, завещанное живым. И с вполне допустимой в поэзии условностью рассказывает автор в заключительной главе, как нашли в болоте при его осуждении «болотный корабель» небольшой ящик, где были чертужи Лоуки: его дело доведено до конца. И недаром дают имя Ярослав сыну Шатилы — это символическое имя (от древнего «ярый» — весенний) знаменует цветение неумирающей жизни; жизнь побеждает, передается новым поколениям.

Поэмы Зарицкого сохраняют певучесть белорусских народных легенд и песен, их влюбленность в родную природу — влюбленность, намного усиливующую эмоциональное воздействие поэзии.

Шумят большаком неумолчно березы,
Под ними чужие идут патрули,
Под ними не наши прохают обозы,
Не наши — средь нашей земли.

(«Наш сын», перевод Дм. ОСИНА)

Итак, много говорят сердцу эти березы — родные березы, зовущие отомстить за поругание родной земли! А как красит всю поэму «Товарищ Саша» картина ночного неба, созвездия Косцов:

На небе июльском Косцы восходили,
Сававалось, что все на просторах
земли

Луга они дружно до края скопили
И выше, к неконечным, к новым,
пошли.

Литературное

И только их трюбок видны огоньки
С зеленой земли в тихом сумраке
ночки.
(Перевод А. ЧИВИЛИХИНА)

Эта картина словно проверяет две столкнувшиеся силы: если на Сашу «повело чем-то для сердца отрядом», то фашистам в эту ночь не до красоты жизни, ибо они чужды, враждебны ей.

Символичность многих образов, тяга к картинности природы придает книге особый, близкий и фольклорным истокам тон. Жаль только, что поэт не везде удерживается на этом уровне; в книге много вялых кусков, нарушающих кинематографическую динамику повествования. Многие в поэмах решено, так сказать, прозаническими, а не поэтическими средствами: описание чертуж доминирует над чувством.

И востан эти поэмы — жанр своеобразный и привлекательный — читаются с неподдельным вниманием, ибо в них мы снова переживаем подвиг народа, подвиг его армии, подвигшейся в бой за сохранение «той ноши бесценной, что жизнью зовут».

А. БОЧАРОВ

Воспитание в боях

Тема мужества и роста воинского мастерства нашей армии в Великой Отечественной войне — не нова для советской литературы. Знание жизни помогло Геннадию Гончаренко, автору романа «Честь», раскрыть эту тему по-новому, по-своему. И это новое особо красочно проявляется в основных образах книги — командира дивизии Русачева и командира полка Канашова.

Русачев — старый конник, характер которого сформировался в годы гражданской войны, по-отцовски любит своих солдат, заботу о них ставит превыше всего. Много обаяния в его облике. Но уже при первом знакомстве с Русачевым в обстановке предвоенных будней в душу читателя закрадывается тревога: а не слишком ли он добр по отношению к солдатам, не слишком ли оберегает своих «детей» от трудностей воинской учебы? Не переценивает ли он свое командирское умение, полагаясь лишь на опыт минуших лет?

Многое становится ясным, когда мы начинаем вникать в суть разногласий Русачева с угловатым, непокладистым командиром Канашовым. При всей любви к Русачеву, чувствуешь, что прав, пожалуй, Канашов — участник боев с белофиннами, глубоко осмысливший опыт недавних сражений. Изучая опыт противника, он, вопреки благодушным настроениям Русачева, старается приспособить обучение своих бойцов к стратегиям и тактике современной войны.

И вот грянул 1941 год. Русачев в растерянности. И если бы не распорядительность Канашова, не решительные действия солдат и командиров, — его любимая дивизия была бы разбита в первые часы войны. Русачев не может понять, что отстал от жизни; он не может расстаться с дивизией, навинуя, что дивизия с ним не пропадет, что поражения, мол, временные, случайные...

Очень хорошо показано в романе, как еще до гибели Русачева подлинным командиром дивизии становится подполковник Канашов. В дни отступления — под давлением превосходящих сил противника — солдаты мавы почувствовали, что с Канашовым «зря не пропадешь». Его полк, несмотря на потери, не уменьшался, а растет. К нему присоединяются солдаты из разбитых и разрозненных частей, пробивающихся из окружения. Канашов, прикрывая своим полком отход дивизии, ведет жесточайшие арьергардные бои, бросает батальоны в контратаки, требует от солдат и командиров напряжения всех сил. Нелегко служить в его полку, и все же

солдаты начинают любить этого сурового человека. Любить, как воины — командира, который дал им счастье пережить радость первых удачных боев, первых побед над очень сильным врагом. В рождении этого воинского чувства — залог того обновления, которое сделало русачевскую дивизию гвардейской.

Нет нужды подробно пересказывать содержание книги Г. Гончаренко. Коротко характеризуя ее, можно сказать, что это — произведение о мужестве и подвиге, о солдатской любви к командиру, об офицерской чести, рожденной в боях.

Конечно, не все еще удалось молодому писателю в его первом большом произведении, роман написан неровно, наряду с хорошо написанными страницами есть и неудачные, растянутые, художественно следные эпизоды.

Неудачная попытка автора показать быт и нравы фашистской воинщины — здесь ему изменяет чувство меры, здесь исчезает достоверность.

И все же знакомство с новым именем оставляет отрадное впечатление. В литературе пришел человек, хорошо знающий тему, пришел военный писатель.

Николай БОГДАНОВ

Страницы славного прошлого

...Их было двадцать один в тридцатой на мере ростовой тюрмы — в камере смертников. Надеться было не на что: денюжничка контрабандка жестоко расплавлялась со своими узниками. Но эти были коммунистами. И даже здесь, в каменном застенке, они помышляли о том, чтобы бороться и вы-

стоять в неравной схватке с врагом. И выстояли.

В числе пленников находился Иван Лукич Хижняк, человек замечательной судьбы, ныне — генерал-лейтенант в отставке. Он — один из организаторов и командиров первых назачных частей Красной Армии, непосредственный участник революционных событий на Северном Кавказе. Впечатления и переживания тех боевых лет дали ему обильный и богатый материал для интересной книги «Годы боевые», вышедшей недавно в Краснодарском книгоиздательстве (литературная обработка П. Ишанова).

Воспоминания И. Хижняка ярко рисуют картину героической борьбы молодой, еще плохо вооруженной, полубольшеви Красной Армии против отборных, опытных войск белогвардейских генералов и интервентов.

Основное содержание книги составляют живые, впечатляющие рассказы о революционных боях, развернувшихся на Северном Кавказе в 1918 — 19

«ДРУЖБА НАРОДОВ»

В РЯДУ больших задач, поставленных перед литературой и искусством в партийном документе «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», есть такие, которые особенно близки нашему журналу.

Никита Сергеевич Хрущев посвятил нашим литературам и художникам по-прежнему и впредь и в будущем все свое внимание журналу «Дружба народов».

В прошлом году только в художественном отделе журнала вышло около ста писателей, произведений которых переведены с тридцати языков. Хотим в этом году еще полнее представить нашу многонациональную литературу в ее лучших образах, со всем тем новым, передовым, художественно значительным, что она несет в себе.

Новый год мы начали публикацией романа украинского писателя В. Собока «Обыкновенная жизнь» (перевод Л. Михайловской) — о нашей молодежи. Современная тема займет в отделе прозы главное место. Нашим дням посвящен большой роман азербайджанского писателя М. Ибрагимова «Великая опора» (название условное), переведенный В. Васильевым. На страницах журнала выступает с «Повестью быстро текущих лет»

русский поэт Н. Ушаков. Опубликована новая повесть В. Лукашевича. Мы ожидаем в этом году роман «Хлеб и соль» М. Стельмаха, известного уже нашим читателям автора романа «Кровь людская — не водичка», новые рассказы К. Паустовского, Г. Мустафина, новый роман Г. Гуляева.

Особенно широко будут представлены в журнале литературы народов, чьи декады литературы и искусства намечены в этом году. Нет возможности рассказать здесь обо всем, что мы будем печатать в отделе прозы, а особенно в отделе поэзии. Как одно из наиболее крупных произведений, которое напечатано в этом году, назову поэму Расула Гамзатова «Горняк» (перевод Я. Козловского). В ближайших номерах публикуем стихи Д. Гуляева, Е. Евтушенко, В. Казина, М. Карима, К. Каладзе, С. Кирсанова, М. Гангибеда, С. Орлова, Л. Ошанина, Н. Рыленкова, М. Светлова, Н. Тихонова, С. Чиковани, Г. Эмина, П. Яшвили.

Особое значение мы придаем открывшимся в этом году отделам «Новые имена» и «Новые переводы». В первом отделе уже с январского номера печатается жарово своеобразная повесть «В поисках Карима Девония» таджикского писателя Х. Назарова. В февральском номере начинаем публиковать роман казахского писателя Т. Ахтанова «Суровые дни» — о бытие за рубежом. В этом году мы познакомим читателей и с другими произведениями молодых талантливых писателей.

Отдел «Новые переводы» призван ознакомить читателей с работами лучших мастеров советской школы художественного перевода. В первом номере напечатаны новые переводы Н. Заболотного из «Витязя в тигровой шкуре», во втором — с переводами старинных украинских песен выступает Н. Асеев.

Увеличение объема журнала на два печатных листа дает нам возможность представить на страницах «Дружбы народов» интересные новинки зарубежной литературы. В ближайших номерах будут напечатаны поэмы и стихи П. Неруды, Н. Химета, В. Невзвала.

В этом году журнал будет широко освещать в очерках и публицистических статьях жизнь страны, особенно в области культуры, науки, искусства. В первом номере напечатана статья И. Ефремова «Семь лун земли». В ближайших номерах публикуются статьи и очерки о студенческих научных обществах, о театрах Тбилиси, о хоровой культуре Эстонии, о школе живописи Казахстана и Киргизии, о канале в Голландии степи и о многих других интересных фактах нашей жизни.

Расширены в этом году отделы «Трибуна писателя», «Литературное наследство», «Критика и библиография».

Библиотека классиков литературы народов СССР, выходящая приложением к нашему журналу, будет представлена в настоящем году собраниями сочинений Эд. Вильде в пяти томах и Якуба Коласа в трех томах.

А. СУРКОВ

ЭПОС НАРОДНОГО ПОДВИГА

(Сюжетчик. Начало на 1-й стр.)

ТЕМА Коммунистической партии, как руководящей силы нашего общества, проходит красной нитью через все лучшие произведения, посвященные Отечественной войне, потому что это большая жизненная правда, которую никак нельзя обойти. Партия так же близка и дорога советскому воину, как и Родина, потому что партия мы обязаны всем тем, чем мы стали. И недаром в трудную минуту боя Петр Рубанюк вспоминает слова своего старшего брата коммуниста Ивана: «Лидя, Петро, всегда помни, чем наша семья государству своему обязана... При другом строе так бы и выбыл бы из нужды. Крепко держись партии большевистской! Это верная мать для таких, как наша семья...»

Когда пат в бою, выполнил до конца свой воинский долг, коммунист Юрий Брянский, этот удивительной душевной красоты человек, из кармана его гимнастерки друзья извлекают вместе с фотографией матери и невесты партийный билет, пробитый осколком. «Попадут в Москву... В ЦК партии...» — негромко заметил кто-то. «Денис Блаженко сказал твердым голосом: — Я вступаю в кандидаты. Как скучно и как глупо написал эту сцену О. Гончар. Партия, Родина, мать, невеста — вот что было самое дорогое в жизни Брянского, которому принадлежат проникновенные, как русская народная песня, слова: «Все, все мы отдаем тебе, Родина... Все! Даже наши сердца. И кто не извелал этого счастья, этой... красоты верности, тот не жил по-нашему!»

Высокий гуманизм, нравственная чистота и цельность характера всегда были отличительными чертами воинов Советской Армии — защитницы интересов трудящихся. Эти качества обусловлены самой природой нашей армии, созданной и воспитанной Ленинской партией, ее лучшими представителями из числа командиров и политработников. Солдаты наши в условиях фронта последние куском хлеба делились с голодающими жителями освобожденной территории, будь то украинцы или белорусы, поляки или чехи. Гуманизм наших воинов проявлялся и в отношении к врагу, жестокому, кровожадному, совершившему неслыханные злодеяния на советской земле. Вспомните, как Андрей Лупухов спешит накормить пленного немца. Наиболее яркий пример мы находим у П. Федорова: командир полка Осипов потерял всю свою семью — фашисты зверски убили его жену и детей. Громя фашистские гарнизоны во вражеском тылу, конники генерала Доватора нередко захватывали в плен большие группы гитлеровцев. Что с ними делать? В условиях окружения пленные становятся большой обузой. И Осипов отдает приказ: в плен фашистов не брать. Узнав об этом, комиссар Абашев спрашивает полка: «С каких пор ты начал отдавать такие дикие приказы?» Осипов ответил: «Дикие приказы? А ты знаешь — гитлеровцы матерей расстреливают вместе с ребятишками!.. Знаешь? Сжигают!.. Живыми и закапывают!..»

И все же комиссар Абашев старается переубедить его: «Мы не должны пачкать себя... Убавить безоружных — это недостойно русского человека». И Осипов под конец соглашается с доводами комиссара. Так поступали воины, воспитанные обществом, в котором Человек — звучит гордо! И как бы ни старались иные «критиканствующие» литераторы чернить и опознать благородный образ советского воина, правда всегда останется правдой, и ничто не может ее заслонить. Это благородство чувств советских воинов с изумительной силой проявилось в дружбе, в любви, в отношении к женщине, их сердца не огрубели в суровое военное время. Через огонь войны пронес Петр Рубанюк большую и светлую любовь к Оксане. А возвышенная чистота отношений Алексея Гордиенкова и военфельдшера Нины, их первая трогательная любовь! «Я рад, что родился таким одиночкой», — говорил Юрий Брянский. — Это делает меня богатым и сильным... Вот почему я и говорю, что наивысшая красота — это красота верности. Люди, которые мечутся,

разменивая свои чувства направо и налево, по-моему, в конце концов, должны чувствовать себя нищими».

ТОЛЬКО человек высокой сознательности, большой духовной силы способен на воинский подвиг. Внутренне пустой человек, трус и негодяй на подвиг не пойдет. И как бы ни старались некоторые писатели найти в этом вопросе какой-то компромисс, какие-то «исключительные обстоятельства», все будет звучать фальшиво и неубедительно. Не помогут в данном случае и никакие психологические «обоснования». В недавно опубликованном рассказе «Сенька» В. Некрасов — автор талантливой повести «В окопах Сталинграда» — пытается оправдать уменьшено протрелявшего себе руку труса и панкера. А затем, чтобы «реабилитировать» своего героя, автор заставляет его совершить подвиг. Но в такой подвиг читатель не верит, потому что это противоречит жизни, всей логике характера персонажа и природе воинского подвига. Впрочем, до В. Некрасова то же самое пытался делать и Я. Казакевич в повести «Двое в степи». Но из этого, как известно, ничего хорошего не получилось.

Спорно нет, готовность к подвигу — это не просто готовность к самопожертвованию. Надо уметь побеждать врага, сохраняя свою жизнь. Для этого необходимо овладеть сложным военным искусством, пройти большую школу, познать не только «науку ненависти», но и «науку побеждать». Именно этот сложный процесс становления воина очень ярко и убедительно показан Л. Соболевым в «Зеленом луче». Как терпеливо и настойчиво учили молодого лейтенанта Решетникова искусство воинского воспитания и боевых действий его начальник командир дивизиона Власький, и подчиненный бойца Казов.

Не все гладко шло у Решетникова. Ложная щебетливость и самолюбие мешали молодому лейтенанту принимать полезные уроки от своего подчиненного Казова, человека, умудренного огромным опытом морской службы. И он тот же был «завальтываться» от Казова, если бы не решительное вмешательство Власького: «Вам на такого бойца молиться надо, а вы... Подумаешь, самолёбы засел!.. Самолёбы, по-моему, не в том, чтоб обижаться, когда тебя учат, как что сделать, а в том, чтоб поскорее научиться так самому все это делать, чтобы тебя никто не смел носом ткнуть... Флот, милый мой, на том и стоит, что офицер у всех учится — и у начальников, и у подчиненных. К старым морякам и адмиралам прислушайтесь. Самонадеянности море, ох, как не любит!»

Самонадеянности не любит не только море. Мы знаем, к чему привела и чем кончилась самонадеянность генерала Горлова из пьесы А. Корнейчука «Фронт». Советской Армии чужды органические чванливости, высокомерие, заносчивость, потому что в ней нет классовых барьеров между старшими и младшими, потому что она дитяче народа, интересы солдат и генералов здесь едины. Именно этим объясняется, с одной стороны, отеческая забота командиров и начальников о своих подчиненных, а с другой — искренняя любовь и уважение солдат и матросов к своим командирам. Такого взаимоотношения не знает ни одна буржуазная армия. Не случайно эта тема пронизывает все лучшие книги о войне. В своем командире, таком, как Доватор, Панфилов, Осипов, Рубанюк, Брянский, Гордиенков, Решетников, рядовые видят умного, знающего военного дело, храброго, преданного народу старшего товарища, брата, отца. За такого готовы жизнь отдать. И отдавали, заложив командира своей грудью. Таких людей, за таких шлут в огонь.

Сколько чудесных легенд сложено о командирах, подобных Льву Михайловичу Доватору! И самыми лучшими из них являются талантливые книги о войне. Образ генерала Доватора перерабатывает биографы, боевого пути одного человека. Это — обобщенный образ воина-лидера, рожденного в огне Великой Отечественной войны. Он заслужил лю-

бов народа и воинов своими боевыми делами, своим военным талантом и храбростью, отзывчивым сердцем и нравственной чистотой. Умирая, тяжело раненный, Алексей Гордиенков говорит любимой девушке: «Почему так тихо? Доватор жив? Почему ты плачешь? Лев Михайлович жив!..» А после кончины Алексея: «Лев Михайлович, не стыдись Сергея, вытер катинские пощечки слез!»

Война без жертв не бывает. Но жертвы могут быть бесцельными, неоправданными. Жизнь людей во многом зависит от командиров. Отношение к человеку — это не последний вопрос, на котором проверяется достоинство и качество командира. Один из героев «Знаменосцев» старший лейтенант Кармазин Иван Антонович «строго осуждал тех офицеров, которые неограниченно относились к себе или к подчиненным». «Неоправданные людские потери — самый большой позор для командира», — говорил старший лейтенант. А его начальник, всегда уравновешенный и терпеливый капитан Чумаченко, «становился беспощадным, когда узнавал, что какая-то рота понесла напрасные потери. — Ты понимаешь, что дано в твои руки государство?.. Не конь, не машина, не станок... Шофер машину разобьет, и то его судят. А ведь это люди. Людей, понимаешь?»

Так говорит командир-отец, человек большого сердца, сказочной храбрости и титанической силы воли. Положительный образ советского воина, достойный восхищения, — вот главное качество лучших книг о войне, перечитывая которые проникаешься любовью к замечательным героям, целевым, благородным и глубоким натурам. И тогда ясней и отчетливее становятся ошибки и просчеты тех писателей, которые вопреки жизненной правде, перенесли свои книги сентиментальными посредственными людьми. Либо откровенными негодями. Были они — трусы, ленивые, тупицы и самодуры — в смене не без урона, но не они же в конце концов определяли лицо Советской Армии, ее сущность и типичные черты характера советского воина. Есть же в романе П. Федорова такой подполковник Холостяков, бюрократ и тупица, но он не задал собой светлых героических образов других генералов, офицеров и солдат. Потому что автор не отступил от жизненной правды.

Советской военной литературе вовсе не чужда конфликтность, показ острой борьбы нового со старым, передового с отсталым, потому что это закономерный жизненный процесс постоянного развития и совершенствования присущ и Вооруженным Силам. Это правда жизни, и ее не следует обходить. Потому что и до войны, и во время войны, и после ее окончания командир-новатор, думающий, двигающий вперед военное дело, ставящий в рутинером и солдафаном в вопросах стратегии и тактики, воинского воспитания и обучения, технического оснащения армии и флота. И в этой борьбе, в конечном счете побеждал и побеждал представитель нового, передового. В этом отношении, нам кажется, многое удалось как М. Алексееву в его новой повести «Наследники», так и молодому писателю Г. Гончаренко в его первой книге «Честь», только что вышедшей в издательстве «Молодая гвардия». Розовая лакировка нам не нужна и в военной литературе.

ГОВОРИТ об образе советского воина, о его главных чертах, мы ограничимся лишь книгами о войне и совсем не касались произведений, посвященных мирным послесвоенным армейским и флотским будням. Хотя, разумеется, в таких книгах о боевой учебе и воинском воспитании, как «Летчики» Г. Семенкина, «В далекой гавани» Л. Зайцева и Г. Сувальского, «Максим Перелепца» И. Сташюка и других, писатели, продолжая традиции литературы о войне, развивали все ту же основную позитивную линию положительного героя, создали немало ярких обязательных образов советских воинов — достойных наследников

боевой славы своих отцов и старших братьев».

Точно так же, как Алексей Решетников, Лев Доватор, Юрий Брянский, Петр Рубанюк, Аким Ерофеевич и миллионы других воинов, участвовавших в Отечественной войне, брали себе в пример Чапаевых, Кочубеев, Пархоменко, Корчагиных, так сегодняшние и завтрашние офицеры, солдаты и матросы воспитываются и будут воспитываться на славных боевых традициях Доваторов, Панфиловых, Матросовых и десятков других героев. В этом могучая сила советской военной литературы. И здесь нельзя не сказать хотя бы два слова о нашем кино. Мы имеем положительный опыт экранизации талантливых произведений о гражданской войне: «Чапаев», «Тихий Дон». Почему же наши кинематографы обходят многие талантливые книги о Великой Отечественной войне?

Сегодня, спустя 16 лет после начала великого ратного подвига советского народа, перечитывая произведения о войне, приходишь к отчаянному убеждению: нет, не померкли со временем страницы лучших военных книг, в которых с эпическим широтой рассказано о том, как и почему мы победили в минувшей войне. Не ослабла их сила. Они учат, как надо любить свою Родину, мир, и ненавидеть тех, кто готовит новую мировую войну. О тех, которым «не сидится без войны», солдат Роман Блаженко с потрясающей силой ненависти говорит: «Я заковал бы их в цепи и волю бы... Нет, пусть бы те маленькие сироты войны, каких они, как маковые зерна, пустили по миру. Пусть бы они их водили по всем дорогам и по всем странам... И не давай бы им ни хлеба, ни воли... Пусть бы они ели пепел наших сожженных хат... Грызли бы тот садынский кирпич... Чтоб жалости той войны, чтоб никому уже не захотелось ее никогда!»

Пусть вдумаются в эти слова люди всей земли, от миллиардера и министра до простого рабочего и солдата, пусть покажутся эти огненные страницы, написанные как завещание будущим поколениям. В лучших, высокохудожественных, эпического размаха полотнах заключена большая человеческая правда, и тот, кто больше ею пренебрежет, может допустить непоправимый роковой просчет.

Сорок лет исполнилось нашей родной героической Вооруженным Силам. Какой замечательный путь прошли они, защищая интересы первого в мире социалистического государства, сколько богатых подвигов вписали в историю нашей великой Родины! Легендарная, овеянная славой войнами и подвигами героическая, безаварийная преданности делу трудящихся, мужества, героизма и благородства, Советская Армия снискала себе любовь простейших людей всего мира. И не даром о ней, о ее героях писали и еще будут писать самые крупные писатели нашей большой, боевой многонациональной литературы. Как не померкнут в веках ее слава и ее подвиги, так не исчерпается в литературе и искусстве ее высокая и благородная тема — образ воина, защитника, освободителя, героя.

Обсуждение нового романа

карельского писателя

НА ДНЯХ в Оргкомитете Союза писателей РСФСР состоялось обсуждение нового романа А. Тимонина «Родными тропами», напечатанного в 5-м и 6-м номерах журнала «На рубяке». Обсуждая сегодня новое произведение нашего карельского коллегии, — сказал, открывая обсуждение, председатель Оргкомитета Л. Соболев, — мы продолжаем наши встречи с авторами. Пусть это станет хорошей традицией... Новый роман А. Тимонина, по общему мнению выступающих, — лучшая работа писателя и заметное явление в современной карельской литературе. Роман отличается смелостью постановки проблем, ясностью партийной позиции. Об этом говорили Т. Трифонова, И. Асанов, П. Шубинин, Г. Фисц, Д. Нагишин, Л. Исарова, В. Бергман, В. Архангельский и др. Выступавшие сделали много ценных замечаний, которые автор обещал учесть, готовя свой роман к окончательному изданию. Карельский гатерей Р. Ругов отметил полезность обсуждения романа «Родными тропами» не только для его автора, но и для всех карельских писателей.

Писатели — военным морякам

«...Вечные лавры украшают победные знамена наших Вооруженных Сил, готовых в любое время дать беспощадный отпор всякому, кто осмелится поднять оружие против Советского Союза».

Вооруженные не только самой совершенной боевой техникой, но и великими учеными коммунистами, воины Родины необходимы... Так пишет в своем поздравлении к сорокалетию Советских Вооруженных Сил писатель-маринист Борис Лавренев.

Много теплых, от души идущих слов высказала в своих приветствиях военным морякам в связи со знаменательной датой писатели Константин Федин, Михаил Исаковский, Николай Тихонов, Всеволод Иванов, Леонид Леонов. Эти приветствия опубликованы в третьем, только что вышедшем юбилейном номере литературно-художественного журнала «Советский моряк».

В том же номере помещена переписка Михаила Шолохова с воинами флота. Старшина 2 статьи Лысяк, матросы Борщичев, Ситников, Харамин, Лытченко, Парфенов, Илгунов обратились к писателю с письмом. Высоко оценивая произведения писателя, моряки интересуются: почему Михаил Александрович вывел одним из главных героев «Поднятой целины» бывшего балтийского матроса Давыдова? «Это очень хороший человек, Давыдов, — пишут моряки, — и очень радостно, что он был матросом, а потом стал активно строить новую жизнь на селе».

Писатель откликнулся на письмо. Вот его ответ, опубликованный в «Советском моряке»:

«Дорогие друзья, военные моряки! Большое спасибо за теплые письма и за внимание к моему творчеству. Вы спрашиваете, почему и делал Давыдова балтийским матросом. У Давыдова было несомненно прототипов. Я встречался с многими моряками, беседовал с ними, видел, как они работают там, куда направляла их партия. И всюду они воспевают жизнь своим хорошим морским революционным традициям. Еще Владимир Ильич Ленин дал высокую оценку морским и доблестным матросам. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества были у Давыдова. Так оно действительно случилось: они и в гражданской войне, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти. Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским мат

ПАТРИОТКИ, ПРИГОВОРЕННЫЕ К КАЗНИ

Джамила Бухиред

«УЖАСНЫ» ночи в алжирской тюрьме. В тюремных камерах заключенные настроены до предела. Страшные звуки, уже ставшие привычными. Пробило три часа. Тюремные коридоры наполняются шумом. Во дворе раздаются стук — это сооружают гильотину. Кто же из нас умрет на рассвете? — думают заключенные. Откуда-то вдруг доносится песня, полная страдания и боли, — но это вместе с тем песня борьбы, песня надежды. Пение прерывается криками, режками приказаниями — это полицейские пытаются заставить замолчать безвестных певцов...

Открываются замки. Открываются двери. Люди идут на встречу своей смерти. «Сегодня снова умрут наши братья», — говорят заключенные. С новой силой звучит песня. Низкие голоса мужчин сливаются с высокими голосами женщин. В тюрьме — сотни женщин. Одни уже осуждены, другие ждут приговора. Пять женщин приговорены к смертной казни... Это Жаклин Геррудж, Джамила Бухиред, Байя Хосин, Джамила Буазза и Джохор Акру. Каждый рассвет может оказаться последним в их жизни...

Так писала на днях французская газета «Юманите», рассказывая о страшной судьбе алжирских патриоток, ожидающих казни. Кто они, эти алжирские женщины, воины славы и свободы борющиеся за свободу Алжира? Нежное лицо юной девушки с большими черными глазами

и пышной шапкой волос уже знакомы нашим читателям. Это Джамила Бухиред — мужественный боец за освобождение своего народа, осужденная на смерть французским судом. О ее судьбе сообщила «Литературная газета».

Все прогрессивные организации Франции, вся французская печать, включая такие буржуазные газеты, как «Монд», «Орор» и «Круа», требуют отмены смертного приговора Джамиле, подчеркивая, что ложные обвинения против юной патриотки были бесчестно сфабрикованы.

«Дело Джамилы» глубоко возмутило и встревожило всю мировую общественность. Из всех стран мира во Францию летят телеграммы с требованиями отменить руку палача, быть может, уже занесенную над Джамилой...

Советские люди гневно осуждают чудовищное преступление французских колонизаторов. Редакция «Литературной газеты» продолжает получать множество писем, в которых выражена решимость спасти Джамилу Бухиред от казни. Вместе с Джамилой Бухиред в мрачной камере алжирской тюрьмы томится другая алжирская патриотка — Жаклин Геррудж. Жаклин родом из Франции. Она изучала право и философию во французских университетах. В 1942 году Жаклин была арестована гитлеровскими оккупантами, но ей удалось вырваться из рук палачей. После войны Жаклин получила место учительницы в Алжире. Здесь она познакомилась с молодым алжирским учителем — Абделькадером Герруджем и стала его женой. Но не только с Абделькадером связала свою судьбу Жаклин. Она полюбила многострадальный народ Алжира, разделяла его ненависть к колонизаторам и участвовала, как равная, в его борьбе за свободу.

«Больше всего на свете я ненавижу войну», — сказала на суде Жаклин Геррудж, — но Алжира!

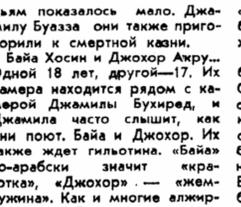

Жаклин Геррудж

я не могла оставаться в стороне от борьбы». Жаклин и Абделькадер Геррудж — коммунисты. Вот почему, указывает газета «Юманите», суд колонизаторов, пренебрегая всеми существующими законами, стал смертным приговором. Французские власти не остановились и перед тем, чтобы схватить и бросить в тюрьму старшую дочь Жаклин Геррудж — Даниэль...

В тюремной камере, где томится Джамила Бухиред и Жаклин Геррудж, есть еще и третья обитательница, также осужденная на смертную казнь, — Джамила Буазза. Это несчастная девушка тяжело заболела. Однако французские власти и не думают поместить Джамилу Буазза в психиатрическую лечебницу. Напротив, они пытаются использовать несчастную девушку в качестве свидетеля обвинения против... Джамилы Бухиред. Всем присутствующим на суде было ясно, что Джамила Буазза невменяема. Тем не менее на основании ее «показаний» Джамилу Бухиред осудили.

«См. «Литературная газета» от 26 ноября и 17 декабря 1957 года.

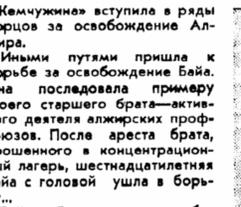

Джохор Акру

«Жемчужина» вступила в ряды борцов за освобождение Алжира. Иными путями пришла к борьбе за освобождение Байя. Она последовала примеру своего старшего брата — активное участие в алжирских профсоюзных движениях. После ареста брата, брошенного в концентрационный лагерь, шестнадцатилетняя Байя с головой ушла в борьбу...

Байю и Джохор судил трибунал «для малолетних преступников». Это было в конце 1957 года, под рождество. Но это не помешало колонизаторам наблюдать за ходом судебного разбирательства, грозить судьям, требовать казни алжирских девушек. Трибунал приговорил Байю и Джохор к смертной казни. Председатель суда объявил осужденным, что они будут гильотинированы во дворе алжирской тюрьмы.

«Спасибо вам, господа», — с убойственной иронией ответила судьям юные патриотки Байя и Джохор...

Джохор Акру

Такова трагическая судьба замечательных дочерей алжирского народа, виновных только в том, что они боролись за счастье и свободу своего народа.

Колонизаторы осудили их на смерть. Каждую ночь Джамила Бухиред, Жаклин Геррудж, Джамила Буазза, Байя Хосин и Джохор Акру вслушиваются в зловещую тишину тюремных сводов: не идет ли палач, чтобы повести их на казнь. В любой день может оборваться их жизнь, самоотверженно отданная борьбе за свободу.

Однако вся прогрессивная Франция встала на защиту алжирских патриоток. «Нельзя допустить, чтобы свершилось неоправданное!» — провозгласила газета «Юманите». Все честные французы, недавно осудившие варварскую бомбардировку тунисского селе-

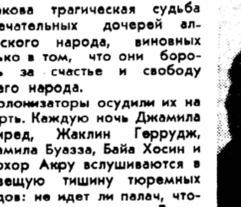

Джохор Акру

ния Сакнет-Сиди-Юсеф, требуют отмены смертного приговора участникам национально-освободительного движения Алжира.

Джамила Бухиред, Жаклин Геррудж, Джамила Буазза, Джохор Акру и Байя Хосин должны жить!

С. Т.

Байя Хосин

Скончался чешский поэт Петр Безруч. Творчество этого 90-летнего писателя занимает выдающееся место в чехословацкой литературе двадцатого столетия. Большой популярностью пользуются его «Силеские песни» — цикл стихов, выражающих мысли и чаяния простого человека произведения известны за пределами родины поэта.

Петр Безруч известен также как автор ряда прозаических произведений, фелетонов, статей. За выдающиеся заслуги перед чешским народом и чешской национальной поэзией Петру Безручу было присвоено звание Народного художника Чехословакии.

В связи с кончиной поэта правление Союза писателей СССР направлено телеграмму, в которой говорится: «Советские писатели с глубокой скорбью узнали о кончине Петра Безруча, замечательного сына чешского народа, прекрасного писателя, отдавшего свое боевое перо борьбе за лучшую жизнь, за счастье трудящихся. Народ отвечал ему любовью и глубочайшим уважением. Его не забудет родная Чехословакия, не забудут миллионы благодарных читателей нашей страны, верным другом которой он был. На творческом примере Петра Безруча, незабвенного товарища учился и будет учиться писательская молодежь. Просим передать близкие соболезнования его близким».

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБИЧКОВ, В. СОЛОУХИН, В. ФРОЛОВ.

Ликвидаторы эстетики

УЧЕНЫЙ Моррис Вейц написал работу «О роли теории в эстетических знаниях», удостоенной специальной премии на американском «Фонде Мэтчета». Вопреки названию работы знаменитый эстетик Вейц утверждает, что автор преследует совершенно противоположную цель: доказать, что теория не играет и вообще не в состоянии играть какую-либо практическую роль. Он проясняет и пишет: «Эстетические теории — все — порождены в их собственном принципе, допускающем, что правильная теория возможна».

Аргументы? Их Вейц черпает у реакционного философа Витгенштейна, который отвергает возможность научных обобщений довольно любопытным способом. Совершенно элементарную логическую посылку, Витгенштейн объектом анализа делает не явление, а слова, понятия. Манипулируя словом «игра», он перечисляет настольные игры, карточные игры, игры с мячом, Олимпиадские игры и т. д. На основании этого произвольного подбора явлений, обозначенных словом «игра», Витгенштейн приходит к выводу об отсутствии таковых общих свойств, которые распространялись бы на все эти явления. Он признает лишь, что «некоторые игры похожи на некоторые в некоторых отношениях».

Такую же посылку продвигает Вейц и к искусству. «Искусство» — существующее явление, но лишь как слово, понятие, которое в определенных случаях употребляется в языке. Для Вейца «искусство» — понятие, как он выражается, «открытое», не имеющее точного содержания и границ.

Потому, с точки зрения автора, невозможен ответ на вопрос: «Что такое искусство?» Неправильна даже и сама постановка этого вопроса. «Мы не должны спрашивать: «Какова природа искусства?» Ни даже, как это делают семантики: «Что значит искусство?» но, вернее: «Какое употребление или применение самого понятия «искусство»?», «Каково место понятия «искусство» в языке?»

Для того, чтобы определить, можно ли назвать данное явление произведением искусства, по мнению Вейца, вовсе не нужны высказывания или утверждения, а лишь наличие или отсутствие в нем определенных качеств. (Это, по Вейцу, и невозможно.) Достаточно соответствия его с другим явлением, уже обозначенным этим явлением. При наличии некоторых сходств между ними можно распространять понятие «искусство» и на данное явление.

Не безынтересно спросить у Морриса Вейца: каких же именно и скольких сходных черт достаточно для этого? Не будет лишним и другой вопрос: «А на каком основании человек выделяется из круга других предметов в качестве произведения искусства?» Но можно ли ожидать ответа на эти вопросы от г-на Вейца, который, называя себя теоретиком искусства, занимается отрицанием искусства и ликвидацией его теории?

Если бы подобная позиция была лишь личным достоянием одного М. Вейца, вряд ли она заслуживала бы подробного рассмотрения. Но Вейц далеко не одинок в деле уничтожения теории искусства.

Так, в статье «Важнейшие тенденции современной эстетики» французские искусствоведы Гюисман и Верже ратуют за необходимость очистить эстетику от при-

внесенных в нее «внеэстетических» категорий. Под последними автор понимает все социальное, идеологическое и психологическое ее содержание. Отрицая теорию искусства, они выдвигают идею так называемой «экспериментальной» эстетики. Оказывается, задача науки сводится к тому, чтобы фиксировать индивидуальные технические приемы художников, в которых, по мнению французских искусствоведов, и выражена подлинная «эстетическая ценность».

Сходную мысль проповедует и американский искусствовед Томас Манро. Наука об искусстве, утверждает он, мыслится как описание восприятия различными людьми тех или иных явлений действительности или искусства. Что же касается эстетических обобщений, то они, с точки зрения Манро, невозможны, ибо он не признает за художественным творчеством и восприятием никаких объективных закономерностей. «Объективные принципы красоты и доброжелательного искусства — излюбленный объект для всяческих нападок, и немногие философы и учителя осмелевают ныне защищать их».

Что это не частные примеры, ясно хотя бы из того, что Т. Манро является редактором, а Гюисман — почетным зарубежным членом редакции журнала «Журнал об эстетике и из искусств», в котором напечатана статья М. Вейца. Этот орган Американского эстетического общества пользуется поддержкой большого количества научных учреждений и благотворительных фондов. Круг его авторов чрезвычайно широк и включает многих известных искусствоведов, проживающих почти во всех крупных капиталистических странах.

Без преувеличения можно сказать, что борьба за ликвидацию теории — одна из самых характерных и главных черт современной буржуазной эстетики. Эта борьба как бы естественно завершает те тенденции к разрушению науки, которые заложены в самой природе идеализма. История буржуазной эстетики нашего времени — это история вытеснения из поля ее зрения самых коренных проблем искусства. Буржуазные эстетики идеальности постепенно устраняли из науки вопрос о взаимоотношениях искусства и действительности. Правда, они еще уделяли внимание таким общестественным свойствам искусства, как красота, единство идеи и образа и т. д. Однако присущее идеализму формальное их толкование привело к отказу от признания и за этими понятиями какого-либо обобщающего значения, а следовательно, и к отказу от их изучения.

Полным отсутствием постановки и освещения общестественных проблем характеризуются, например, посвященные искусству и литературе тома «Французской энциклопедии», вышедшей в Париже в 30-е годы. В обоснование своей позиции авторы пишут: «...Творческий дух — повсюду. Поэтому мы приняли решение не употреблять в этой работе слова «Гений», равно как и слов «Искусство» или «Брасота». За последние два десятилетия буржуазная эстетика пошла еще дальше. Болезнь прогрессирующей слепоты, которой издавна была поражена буржуазная эстетика, пришла к своему логическому финалу: слепота стала абсолютной. Эту-то слепоту и стараются канонизировать теперь реакционные ученые. Невольно приходит на память рассказ Уэллса о стране слепых. Уэллсовские слепцы, считая свое восприятие мира единственно нормальным, не допускали существования зрения людей в их среде, а если такое явление появлялось, рьяно старались выколоть им глаза. Не сходящую ли роль взяли на себя М. Вейц и его соратники в области эстетики?»

Но ликвидация эстетики, принятая буржуазными учеными, становится осуществимой лишь при условии отрицания объективных закономерностей искусства. Это значит, что М. Вейц обеими ногами стоит на почве формалистической эстетики. Не важно, что его не устраивают отдельные ее разновидности, — его устраивает она в главном. Не важно, что он

не провозглашает ее открыто, — важнее то, что он настолько утвердился на этих позициях, что превратил их в метод эстетического анализа. Отрицание всякой теории есть на деле лишь своеобразная форма борьбы против научной, материалистической эстетики и утверждение произвола в подходе к искусству.

Верный своей привычке выдавать черное за белое, М. Вейц и субъективный произвол хочет изобразить как объективный, беспристрастный подход. Как же, ведь он не отказывается считать «искусством» произведения, скажем, классиков. Он только стремится расширить само понятие «искусство».

Зачем? Классики в этом отнюдь не нуждаются. Не нуждается в этом и передовое искусство нашей эпохи. Развитие реалистического искусства происходит на основе все более полного осознания использования закономерностей художественного творчества. Для реалистической теории искусства, наличие объективных критериев художественности — беспорная и насущная потребность. Внешне стараясь удовлетворить всех, Вейц на деле служит совершенно определенному направлению в современном искусстве.

Концепция Морриса Вейца фактически позволяет обозначить понятие «искусство» все что угодно. Смысл его рассуждений становится ясен, как только мы остановим свое внимание на тех произведениях искусства, на тех художественных стилях, которые сегодня распространены на Западе и поощряются всяческими средствами. Вот, например, книга английского искусствоведа-декадента Герберта Рида «Сущность искусства». Высок похвал устанавливаются в ней произведения скульптора Барбары Хепворт — кусок гипса в форме выеденного яйца с выплывшими стенками. Столь ценная критиком «Сучьяная машина» Клея — это полтора десятка беспорядочно перекрывающих друг друга линий. Ни мысли, ни образа, ни даже техники художника не видно в этих «опусах». Они настолько ниже уровня искусства и просто ниже уровня продукции человеческого труда, что на модернистских выставках последних лет не раз появлялись произведения, созданные... лапой обезьяны.

В «Скульптуре» Хепворт есть определенные пропорции, и в этом можно усмотреть ее «сходство» с произведениями искусства. Картина Клея — тоже «искусство» — ведь линии есть и у Гойи, и у Рембранта. И так далее. Вот прозаическая сущность всех сложных и туманных философствований М. Вейца: осветить высоким словом «искусство» то, что находится вне его. И в самом деле: разрушение эстетики, уничтожение критериев художественности, лишние понятия «искусство» сколько-нибудь определенного смысла, — пожалуй, единственный путь для возведения модернизма в ранг искусства.

«Самозажирание» буржуазной эстетики — это не просто итог заблуждения «чистых теоретиков», запутавшихся в сетях собственных абстракций. Тенденция к упреждению теории острем своим направлением против материалистической науки и реалистического искусства. Ликвидация эстетики — современная форма борьбы за реакционное искусство.

В. ВИТЮК

ТОКНО
ЛИТЕРАТУРНОМУ ОБЩЕСТВУ
«СИН-НИХОН-БУНГАКУ»
Выражаем наше искреннее соболезнование по случаю смерти Суноо Токунэ, выдающегося представителя прогрессивной японской литературы, чье имя пользуется широкой известностью и уважением во всем мире. Мы уверены, что произведения Токунэ будут вечно жить в сердцах миллионов, правдиво рассказывая о борьбе и чаяниях трудового народа.
А. СУРКОВ,
секретарь правления Союза писателей СССР

Боннские визитеры на Тайване

НЕДАВНО Тайвань посетили гости из ФРГ — посланцы «Германско-китайского» (читай: бонно-антикитайского) общества. Они пожаловали в этот, говоря словами газеты «Дас фрейе ворт», «американский музей холодной войны» у ворот Китая для того, чтобы нанести визит его «коменданту — Чан Кай-ши».

Среди прибывших были вице-председатель бундестага Рихард Егер, депутаты — бывший гитлеровский вице-адмирал Гейе, Мюллер-Герман, Эрнст Майоника, руководитель вышеназванного «общества» и импрессио поезда на Тайвань, и другие.

Такая официальная демонстрация симпатий к Чан Кай-ши была по достоинству оценена в некоторых кругах ФРГ. Член Свободной демократической партии Шванн назвал этот визит «необычайной глупостью», а некоторые другие политические деятели — провокационным по отношению к Китайской Народной Республике и другим народам стран Азии.

Впрочем, кое-какую познавательную пользу эта поездка все же принесла. По словам газеты «Ди вельт», один из членов делегации — Мюллер-Герман после возвращения в ФРГ был вынужден признать, что население Тайваня проявляет «мало восторга» в отношении Чан Кай-ши и что между населением и подручными его господина «коменданта» существуют «напряженные отношения». Мюллер-Герман добавил, что население не поддерживает и американских оккупантов.

Однако едва ли эти обстоятельства отрезвят г-на Майонику. Авантюристы с фактами не считаются. А о своих авантюристических планах Майоника поведал западногерманской общественности еще больше года назад. Мы (то есть боннские монополисты и милитаристы), заявил он, заинтересованы в том, чтобы молодые азиатские нации не стали коммунистическими. Осуществление этой мечты «в значительной степени зависит», любезно разъяснил он, от Формозы, а посему: «Мы заинтересованы и в Формозе».

Придерживаясь этой же позиции, Майоника, выступая на днях в Бонне перед представителями печати, утверждал, что «Формоза является столпом стратегия так называемого «свободного мира»».

Вот и прибыли Егер, Майоника и К° на Тайвань. Правда, американские конкуренты их опередили. Но Чан Кай-ши, наверное, не погнушается и западногерманскими марками... Визитеры, как и полагается, осмотрели местные достопримечательности. Побывали на острове Цзиньиньдо с его военными объектами и воинскими частями. Рихард Егер принял «парад» войск и в речи призвал укреплять связи между Бонном и Тайванем, точнее говоря, между германскими и чанкайшистскими реакционерами. Он засвидетельствовал, что эти связи уходят корнями в прошлое германского милитаризма. Обзорная экспаната «американского музея холодной войны», Егер обрел «забывших друзей», в том числе сына самого «коменданта — Чан Кай-ши», служившего когда-то в звании лейтенанта у немецких горных стрелков в Миттенвальде. Вспоминая прочие «связи», Егер назвал «трагическим» тот факт, что «попытки еще не забытый генерал фон Фалькенгаузен был отозван Гитлером из Китая прежде, чем он мог завершить «дело», которое ему поручили, а именно: вышкочить чанкайшистских войск для борьбы против Народно-освободительной армии.

Напомним: речь идет о том самом Фалькенгаузене, который на рубеже нашего столетия участвовал в вооруженной интервенции Германии против антифеодалных и антиимпериалистических сил Китая. Не случайно именно этот Фалькенгаузен, ставший позже гитлеровским генералом-окупантом, ныне является почетным председателем «Германско-китайского общества».

Что ж, каждый дружит с кем ему угодно. О вкусах не спорят. Как это выглядит в натуре — дружба Бонна с Тайванем, с одной стороны, и дружба ГДР с великим Китаем, с другой стороны, — убедительно показано на этом рисунке.

Два вида немецко-китайской дружбы... Рисунок художника Ядзевского из немецкой газеты «Нибес дейчланд»

70-ЛЕТИЕ ЛЮДИЛА СТОЯНОВА

В СОФИИ состоялся торжественный вечер, посвященный 70-летию выдающегося болгарского писателя и публициста, члена Всемирного Совета Мира и Болгарского национального комитета защиты мира академика Людмила Стоянова. Профессор П. Зарев рассказал о творческой деятельности Людмилы Стояновой. «Благодаря Горькому», — писал Стоянова, — я смогла найти равновесную точку между искусством и жизнью, между творчеством и действительностью. Как великий учитель жизни, он указал мне путь писателя и человека, сознательный творческий путь для лучшего будущего человечества».

В 1935 году писатель создает повесть «Холера», получившую широкую известность и за пределами Болгарии. В тридцатье годы Л. Стоянов активно выступает

против растущей опасности фашизма. С юношеских лет писатель уделяет много внимания переводческой деятельности. В 1942 году им был закончен и издан перевод полного собрания сочинений М. Лермонтова, под его редакцией выходит сочинения А. Пушкина. Кроме того, Л. Стоянов переводил произведения М. Горького, В. Маяковского, Н. Островского, А. Толстого и других авторов. Высоко оценив деятельность Стоянова как переводчицы и популяризатора русской и современной литературы, правительство Советского Союза наградило его в 1948 году орденом Трудового Красного Знамени.

Освобождение Болгарии 9 сентября 1944 года раскрыло новые творческие возможности перед писателем. В том же году он вступил в ряды Коммунистической партии. Год спустя выходит первая часть задуманной им трилогии — роман «На рассвете», рассказывающий о борьбе болгарской интеллигенции против фашизма. Писатель создает также ряд интересных рассказов, стихотворных произведений.

В привативах, направленном юбилар секретариатом правления Союза писателей СССР, говорится: «Поздравляем вас со знаменательной датой вашей семидесятилетия. От всей души желаем, чтобы ваш писательский голос звучал дружно в хоре тех литераторов, творчество которых тесно связано с жизнью и под руководством славной Коммунистической партии Болгарии служит борьбе народа за осуществление социализма в вашей стране, за мир и дружбу между народами».

ческой партии. Год спустя выходит первая часть задуманной им трилогии — роман «На рассвете», рассказывающий о борьбе болгарской интеллигенции против фашизма. Писатель создает также ряд интересных рассказов, стихотворных произведений.

В привативах, направленном юбилар секретариатом правления Союза писателей СССР, говорится: «Поздравляем вас со знаменательной датой вашей семидесятилетия. От всей души желаем, чтобы ваш писательский голос звучал дружно в хоре тех литераторов, творчество которых тесно связано с жизнью и под руководством славной Коммунистической партии Болгарии служит борьбе народа за осуществление социализма в вашей стране, за мир и дружбу между народами».

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отдалы: литератур народов

Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней СССР — Б 8-59-17, информация — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.